УДК 81-2
DOI 10.52452/19931778_2024_1_185

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ЗООНИМОВ В *EIN RUSCH BOECK*: ФОРМА, СЕМАНТИКА, УЗУС

© 2024 г.

А.В. Филей

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

odessamatj@inbox.lv

Поступила в редакцию 06.05.2023

Рассматриваются структурно-тематические принципы классификации зоонимов в *Ein Rusch Boeck* в аспекте их соотнесённости с койне торговых городов Северо-Западной Руси. Описываются зоонимы, распространённые в простонародном узусе. Анализируются данные из лексикографических источников, рассматриваются диалектно-региональные формы, коррелирующие с выбранными номинациями. Устанавливаются механизмы трансформации лексем. Указываются варианты употребления с учётом анализа субститутов нижненемецкой части.

Ключевые слова: Ein Rusch Boeck (Русская книга), койне торговых городов Северо-Западной Руси, нижненемецкий язык, зоонимы, ихтионимы, лексико-тематический блок, лексико-семантический вариант.

В русском торговом разговорнике *Ein Rusch Boeck* (далее – *Anon.*), составленном ганзейцами по итогам их путешествия в крупные города Северо-Западной Руси (далее – СЗР), зоонимия занимает особое место. Лексические единицы, обозначающие домашних животных, диких животных, птиц, рыб и т.д., распределены по лексико-тематическим блокам (ЛТБ), которые могут иметь обобщающее название. В русской части даётся устойчивая номинация, в нижненемецкой (н.-нем.) части – переводной эквивалент, в некоторых случаях культурологический субститут. В ряде случаев точное значение выявляется в контексте анализа лексико-семантических особенностей как русской, так и переводной лексемы.

Приводим названия лексико-тематических блоков с переводом и лексико-семантическую характеристику номинаций в блоках:

С 31а по 33: *Van wülden türen vnd Anderem Viehe vnd perdenn (О диких животных и другой домашней скотине и конях).*

31а. Экзотические животные, дикие животные, пушные животные (именно в такой очерёдности лексико-тематические группы внутри этого блока сменяют друг друга);

32: Дикие животные, домашний скот и единицы тематической группы `*Лошадь*` (в том числе профессиональные названия конской сбруи);

32а: Домашние животные, мелкие лесные зверьки, нелетающие насекомые и земноводное *жаба*;

33: Речевые единицы, относящиеся к тематической группе `*Конь, лошадь*`, и всевозможные фразовые единства, которые в той или иной степени касаются этой группы;

33а: *Van varwen der pferde* (*О цветах коней*). Названия лошадиных мастей;

34: *Van Allerelei füschcken Im water* (*О разных рыбах в воде*). Номинации рыб;

34а: *Van Allerlei voegel vnder Hemmel* (*О разных птицах под небом*). Названия наиболее распространённых экзотических, домашних и певчих птиц;

35: Названия певчих птиц и летающих насекомых [1, с. 55–61].

Такая номинативная структура лексических блоков, посвящённых зоонимам, отражает классификационный принцип, которым руководствовались немецкие составители *Anon.,* вероятно, исходя из своих мировоззренческих представлений. В данном случае важно учитывать факторы наивного (мифоэпического) восприятия реалий и прагматической мотивации. Особое внимание составители *Anon.* уделяли лексемам тематической группы, связанной с `*лошадью, конём*`. В этот ЛТБ оказываются включёнными фразовые формулы, взятые из беглой диалогической речи, как и большинство других фразовых единиц текста. Для составителей оказываются значимыми такие смыслоразличительные доминанты, как '*летающие*' или '*нелетающие*', и этот фактор проявляется при классификации (птицы и летающие насекомые, точнее, *летающие существа* приводятся в одном блоке).

Рассмотрим наиболее примечательные с семантико-структурной точки зрения тематические лексемы, относящиеся к блокам зоонимов и ихтионимов.

Anon. 31a. 10. I Lutoi swery. Wüldt deer.

Здесь приводится русская архетипическая формула *Lutoi swery (Wüldt deer),* содержащая в

Таблица 1

Зоонимы в «Русской книге»

Русская номинация немецкими буквами	Русская номинация русскими буквами	Немецкий эквивалент	Значение
31a. 10. Lutoi swery	*Лютой зверь*	*Wüldt deer*	*Лютый зверь - ?*
31a. 10.II Murmoncka	*Мурмонка*	*schwart foß*	**Чёрная лиса / чернобурка*
31a. 18 II lasytza	*Ласица*	–	*Ласка*
31 a. 20 II gornastal	*Горнасталь*	–	*Горностай*

* Форма или значение не фиксируется в лексикографических источниках.

себе мифопоэтические смыслы. Прилагательное *Lutoi* передано в н.-нем. как *Wüldt* (*дикий*), что указывает на восприятие составителями этих прилагательных как синонимов. В русской мифопоэтической традиции устойчивое сочетание *Lutoi swery* содержит в себе фольклорно-эпические коннотации. Семантической специфике номинации *лютый зверь* уделил внимание известный русский мифолог Владимир Николаевич Топоров [2]. В СРНГ отмечаются следующие семантические варианты толкования атрибутива *лютый: 1. злой, сердитый* (с указанием на другую фольклорную формулу *змей лютый*). Также к реалии, скрывающейся за сочетанием *лютый зверь*, могут иметь отношение толкования: *5. скорый, быстрый; 10. фольк. огромный* (с указанием на олонецкий и архангельский узус и с примечанием о распространении в северных регионах) [3, с. 249–250]. Древнерусский эпитет *лютый* традиционно употреблялся в ряде формульных мифопоэтических сочетаниях: *зелье лютое, лютые дни, лютый лютич, лютый свинец, лютая смола, лютая трава.* В СДРЯ приводятся следующие его семантические характеристики: *дикий, свирепый; злой; жестокий; трудный; рьяный; постыдный, безнравственный; вредный* [4, 5]. В СРЛЯ также приводится толкование сочетания *лютый зверь* в гиперонимическом значении: *крупный хищник (волк, лев и т. п.)* [6, с. 354], а также *дикий, не прирученный* [7, с. 348].

31a.10. II Murmoncka (мурмонка) schwart foß = чёрная лиса, чернобурка.

Зооним *Мурмонка* передан на н.-нем. устойчивым оборотом *schwart foß* (*чёрная лиса*). Примечательно, что ни в одном из значимых лексикографических источников древнерусского или старорусского обиходного языка не фиксируется данный лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ), отражающий название пушного животного, но фиксируется ряд семантически смежных форм, преимущественно связанных с названием мехового изделия. Например, у Фасмера: *мурмолка/мурмонка — `вид шапки в сказках и песнях`* [8, с. 13]. Семы, актуализированные в толковании, указывают на мифопоэтический характер употребления лексемы. Там же *мурмонка* толкуется как производное от регионального этнонима Мурман (варианты *урман, нурман*) – *`название части побережья Северного Ледовитого Океана, а также его жителей`* [8, с. 13] с прямым указанием на деривацию формы *мурмонка* от указанного этнонима. Можно предположить, что смысловые переходы в словообразовательном ряду *место => название пушного животного => меховое изделие из него* были обусловлены регулярными торговыми контактами с землями Русского Севера, откуда преимущественно прибывала пушнина.

В СРНГ: *шапка с ушами определённого фасона* с примечанием о локальном узусе: пудожское, олонецкое [9, с. 357]. Там же указание на фольклорный (сказочный) узус. СЛРЯ предлагает следующее толкование: *Мурманка* (вариант: *мурмонка*) – *шапка с плоской, расширяющейся к голове тульею, с меховой опушкою* [10, с. 310], причём на существовавшее смысловое расхождение с этимоном *чёрная лиса* указывает следующий пример: *Куницы великому князю на шапку мурмонку, клеонка к той же шапке* (Архивные бумаги Петра Первого, 1699) [10, там же]. Указание на мех куницы свидетельствует о том, что к этому времени семантика меховой шапки, возникшая в результате метонимического переосмысления, вытеснила первоначальные смыслы, связанные с этимоном (чёрной лисой / чернобуркой). Так или иначе, более чем через полтора века после составления *Anon.* в семантическом составе лексемы начали доминировать универсальные смыслы шапки безотносительно к меху, из которого она была сделана.

В.И. Даль предлагает толкование, схожее с толкованием у М. Фасмера: *Мурмонка – шапка, поминаемая в сказках и песнях* [11, стб. 941]. Эти же семы актуализированы в профессиональном толковании: *Мурмонка — старинная русская мужская шапка, меховая, парчовая или бархатная, с характерными меховыми отворотами, с разрезом спереди и сзади; обычно была высокой, с тульей раструбом* [...] [12]. В этом толковании дважды отражена смысловая доминанта *`меховая`*. Вероятно, это пример типичной метонимической цепочки: *чёрная лиса => мех из чёрной лисы => шапка из меха чёр-*

ной лисы => шапка особого типа. Последний ЛСВ отражён во всех лексикографических интерпретациях, в то время как первые три семантические формы не подверглись лексикографической фиксации как определённые этапы исторического развития узуса. Ни один из словарей, отражающих смыслы, связанные с изделием из меха, не фиксирует лексему, обозначающую животное (чёрную лису). Это может свидетельствовать о том, что ЛСВ, связанный с изделием, приобрёл статус смысловой доминанты в более позднее время.

Anon.: 31a.18 II lasytza (ласица) = ласка. Без перевода

Anon.: 35. 20 I Lastcka (ластка) = ласточка. Без перевода

В *Anon.* две структурно схожие, но семантически различные лексемы *lasytza* и *Lastcka*, отнесённые к разным ЛТБ, переданы составителями без перевода. В данном случае имеет место некоторое противоречие, зафиксированное Е.Р. Сквайрс и С.Н. Фердинанд, которые при анализе слова *ласка* отмечают: «*в анонимной «русской книге» русское Lastcka оставлено без перевода, поскольку, вероятно, соответствующее нижненемецкое слово было очевидно*» [13, с. 132]. Можно поддержать предположение о том, что номинация была оставлена без перевода по этой причине, однако есть все основания сомневаться, что здесь имеется в виду форма слова *ласка*. Тематическая доминанта ЛТБ 35 с базовыми семами `*птица*` и `*летать*` доказывает, что перед нами с большой степенью вероятности форма слова *ласточка*. Форма *ластка* как структурный вариант лексемы *ласточка* фиксируется у Даля: *ластица или ластка, ластовица, ластвица, ластовка, ластовочка, ласточка, ластушка* [11, стб. 616]. В статье *ласточка* Фасмер приводит различные структурные варианты: *ластка, ластовка, ластушка, ластица* [14, с. 463], что также указывает на богатую вариативность номинации в разговорной речи.

Здесь же имеется указание на этимологическую близость со словом *ласка*. В свою очередь, в статье *ласка* отмечается, что «*ласка тождественно названию птицы ласточка (и его многочисленным вариантам)*». Фасмер предполагает, что зооним *ласка* восходит к «*слав. Laska «любовь, ласка», которое употреблено в качестве названия зверька по мотивам табу»* [14, с. 462]. С учётом этих данных нуждается в объяснении факт развития эпентетического [т] в интерконсонантной позиции; в таком случае форму *ласточка* (орнитоним) допустимо толковать как уменьшительно-ласкательную от *ластка* с суффиксом-деминутивом. В то же время Фасмер утверждает, что слово *ласточка «родственно лит. lakstau, lakstyti "летать", lakstus "быстрый", лтш. lakstīt»* [14, с. 463].

Здесь наблюдается яркий пример двусторонней омографии. Вероятнее всего, две формы разных слов контекстуально совпали в процессе фонетической трансформации. Тем не менее слово *ласка* было зафиксировано в ЛТБ 31а в форме *lasytza* в числе остальных номинаций пушных животных, в то время как орнитоним *Lastcka* был отражён в ЛТБ 35 среди названий других птиц. В данном случае нет никаких оснований предполагать, что при формировании ЛТБ имело место такое резкое тематическое несоответствие, при котором форма слова *ласка* могла быть зафиксирована в блоке, посвящённом наименованиям птиц.

Примечательно, что при толковании лексемы *ласка* у Даля приводится в словарной статье *ласа* со значением *'лакомка, сладкоежка'*. В данном случае оправданно предположение о развитии деминутивной формы *ласа* > *ласка* и формировании нового значения *ласка* (`*зверёк*`) в условиях метафорической эвфемизации (*'та, которая много есть, прожорливая'*). В статье содержатся такие её формы: *ласица, vulva bestiarum || также зверёк ласка, ласочка, ошибч. Ласточка, ластка* [11, с. 614]. Помета Даля об ошибочности узуса чрезвычайно важна, поскольку может указывать на стремление носителей русского языка к нормативной нейтрализации омографии. Таким образом, разговорник фиксирует как раз такие нормативные формы употребления обоих слов в речи. Впрочем, Фасмер, в отличие от Даля, указывает на нормативную вариантность форм: «*ласка... также ластица, ластка*» [14, с. 461]. Там же приводятся однокоренные формы слова в других славянских языках: *укр. ласица, ластка; болг. ласица; сербск. Ласица, ласа; словен. Larsica, чешск. lasice, слвц. Lasica, польск. lasica, laska, лужицк. Lasyca*. Большинство форм содержат суффикс *-ic-* (который, видимо, употреблялся более частотно), что также соответствует лексической структуре, зафиксированной в *Anon*.

Лексема *ласица* в СРНГ получает следующее толкование: *хищное животное ласка*, однако это определение предварено пометой с указанием на употребление уменьшительно-ласкательной формы. Очевидна вариантная деривация: *ласа* => *ласка; ласа* => *ласица*, в зависимости от регионального характера узуса, причём первая форма закрепилась в русской литературной речи, а вторая функционирует в диалектном обиходе. Также в словарной статье приводится пример *Ласица побегла в норы* с указанием на узус в смоленском говоре [15, с. 274]. В СЛРЯ речевая

Таблица 2

Ихтионимы в «Русской книге»

Русская номинация немецкими буквами	Русская номинация русскими буквами	Немецкий эквивалент	Значение
34.3. Kytryba	**Китрыба (кит-рыба)*	*Wal füschcke*	*Кит*
34.4. Losoß	*Лосось*	*Laß*	*Лосось*
34.16. Lochowina	**Лоховина*	_	**Один лосось*
34.8. plottitza	*Плоттица*	*weüsser füsch*	*Плотва / водная рыба*
34.9. okuny Aber ostresy	*Окунь / острец*	*Borscken*	*Окунь*
34.14. Mencky	*Меньки*	*ol roppen*	*Налим / масляные полоски*
34.18. oseryba	**Осерыба (осьрыба)*	*Steer füsch*	*Осётр*

* Форма или значение не фиксируется в лексикографических источниках.

единица *ласица* толкуется как *'животное, шкурка ласки*'; релевантной становится семантика `меха` [6, с. 173]. В то же время другая лексема *ластка* толкуется как *ласточка* с указанием на распространение этой речевой единицы в онежском и архангельском говорах [6, с. 177].

31a.20. gornastal (горнасталь) = горностай.

В *Anon.* фиксируется речевая единица *горносталь*, передающая северорусскую региональную специфику. У Фасмера вариант номинации с финальным [л`] маркирован пометой *арханг.* [16, с. 442]. Также и в СРНГ: *горносталь — 'горностай'* с указанием на распространённость в архангельском говоре и с приведением уменьшительно-ласкательных вариантов *горносталюшко, горносталюшка, горносталько, горностальчик* [17, с. 51] (деминутивы могли быть мотивированы продуцирующими тенденциями в речи охотников и торговцев пушниной). Такая локальная форма, очевидно, перекочевала в городское койне СЗР из северорусских говоров. На вариантность [л`] и [j] в финальной позиции в древненовгородском диалекте указывает А.А. Зализняк в описании региональной эволюции [л] и [л`] в разных позиционных условиях. Отмечается, что вариантность [`л] и [j] на конце основы встречается в разных регионах, а чаще всего это явление наблюдается после губного согласного в сочетании с [е] [18, с. 80].

Остальные диалектные формы: укр. *горностарь* и ст.-русск. *горностай* имели широкое распространение на территориях других региональных вариантов [16, с. 442–443]. Также вызывают любопытство польские ЛФВ этой номинации: *gronostal, gronostaj* [16, там же], одна из которых сохраняет финальный латерал. В совр. белор., укр. и польск. в лексикографических источниках фиксируются лексические формы с конечным [j]: *гарнастай, горностай, gronostaj*; соответственно, формы с финальным мягким [л`] могут считаться устаревшими.

Отсутствие чёткого текстового перевода на н.-нем. может указывать на то, что это слово употреблялось довольно часто, поскольку в эпоху позднего Средневековья горностай, пушное животное с ценным, дорогим мехом, являлся важным объектом русского экспорта, предметом роскоши в Западной Европе. С другой стороны, отсутствие перевода может косвенно указывать на то, что лексема *gornastal* постепенно осваивалась как древнерусское заимствование в средневековых немецких языках. В то же время вопрос о регулярности или эпизодичности такого заимствования остаётся открытым. Также следует отметить, что древнерусизм, закрепившийся в разговорной речи ганзейцев, мог быть парным вариантом в беглом речевом узусе, так как существовала исконная форма *hermelīn (1), hermelen, mnd., N.: nhd. Hermelin, großes Wiesel, Hermelinfell, Pelzwerk aus Hermelin* (Lü 143a (*hermel[en]*)) [19] с семантикой '*горностаевый мех, горностай*'.

Anon.: 34.3. Kytryba (китрыба) wal füschcke (der Wal) = кит.

Fenne: 71.4. Кит рыба kitt riba walfisch

В номинации *Kytryba (кит-рыба)* в качестве гиперонимического конкретизатора приводится субстантивный компонент – *рыба*. Здесь отражается тенденция к использованию формы *рыба* в лексически связанных номинациях в простонародном узусе с элементами фольклорного нарратива. Эта лексема, с одной стороны, может быть квалифицирована как мифозооним (ср. *инорог, лютый зверь, струфокамил* и т.д.), поскольку она актуализирует ряд значимых фольклорно-эпических коннотаций, отражая специфику мифопоэтического восприятия. Ср. фиктивный денотат *кит* как сказочный фольклоризированный персонаж в значении фантастического морского животного, гиперболизированные представления о котором могли быть навеяны библейскими (ветхозаветными) мотивами (например, сюжет об Ионе в черве кита). С другой стороны, реалия *кит* была известна носителям русского языка в северорусских областях, где развивался китобойный промысел (в акватории Архангельска, в окрестностях Муромской земли).

Anon.: 34.4. Losoß (лосось) Laß (der Lachs)
Anon.: 34.16. Lochowina (лоховина)

Fenne: 71.7. Лохъ loch lasz

Лоховина (Lochowina) представляет собой сингулятив от *лох (лосось). Лох: `отощавший лосось после нереста в реках`* [14, с. 524]. В соответствии с данными Фасмера, как сингулятив, так и полная номинация были распространены в говорах северно-восточного ареала, а также в уфимской речи. Важно, что речевые формы *лох/лоховина* были регионально маркированными. Фасмер предполагает, что номинация была заимствована из угро-финских языков: из финского и карельского. Также она встречалась в олонецких говорах. Угро-финские прототипы: финское *lohi*, эстонское *lõhe* 'лосось' [14, там же]. Следовательно, лексема употреблялась в северорусской диалектной зоне, где происходили тесные торговые контакты с представителями угро-финских народов.

В СРЛЯ приведено схожее толкование: *лох – 'отощавший после нереста в реках лосось'* [6, с. 287]. Эти данные указывают на критерий семантической дифференциации с более нейтральной и общеупотребительной номинацией *лосось*. Очень подробная семантическая характеристика лексической формы *лох* с использованием рыболовных терминов встречается у Даля: *'рыба семга, лосось, облоховившийся по выметке икры: лосось для этого подымается с моря по речкам, а выметав икру идет еще выше и становится в омуты, чтобы переболеть; мясо белеет, плеск из черни переходить в серебристость, подо ртом выростает хрящеватый крюк, вся рыба теряет весу иногда наполовину и назыв. лохом*' с указанием на северный узус [11, с. 697].

В *Anon.* ганзейские составители, основываясь на данных живой разговорной речи, зафиксировали именно сингулятив, в то время как у *Fenne* [20] отражается полный речевой вариант. В отличие от *Anon*., где также отражена лексема *лосось*, у *Fenne* фиксируется только вариант *лох*. В обоих случаях приведены фонетически схожие переводные лексемы *Laß* и *lasz*.

Как сингулятив *лоховина*, так и безаффиксная лексема *лох* с добавочными семами, связанными с периодом после нереста, в позднесредневековом койне торговых городов СЗР употреблялись одинаково регулярно. Однако можно предположить, что номинация *лох* (в отличие от формы *лосось*) была маркирована профессиональной спецификой узуса. Вероятно, она была шире распространена в социолекте рыбаков и рыбопромышленников СЗР и в торговом узусе. Можно предположить, что сингулятив был спонтанно услышан в беглой речи, а его семантика не была осмыслена иноязычными составителями до конца, на что указывает отсутствие перевода в н.-нем. части *Ein Rusch Boeck*.

Anon.: 34.8. plottitza (плоттица) weüsser füsch = die Plötze (плотва)

Fenne: 71.15. платица platitza bleyer

В обоих разговорниках отражается историческая форма названия этой распространённой рыбы: *плотица / платица* с вокалическим чередованием. При анализе диалектной сферы употребления следует отметить, что указанная номинация была шире распространена в говорах среднерусского и северорусского ареала, где более частотной и продуктивной была суффиксальная деривация на *-иц-* (ср. *ласица, галица, утица* и т.д.).

В целом номинация *плот(в)ица* с последующим выпадением ослабленного лабио-дентала представляет собой традиционную форму названия: *плот(в)иґца – «рыба "Cyprinus idus", укр. плотиґця, пліітка, блр. плоць, чеш. plotice, польск. рљосіса, рљосґ, в.-луж. рљосґіса, н.-луж. рљосґіса*» [8, с. 285]. Также высказывается закономерное предположение, что немецкая лексема также могла быть заимствована из западнославянских языков. Лексема может восходить к **ploty, *plotъve* с гиперонимической семантикой '*плоская рыба*', однако вариантная форма с суффиксом *-в* могла развиваться параллельно номинации с суффиксом *-иц-,* а затем вытеснить последнюю в позднесредневековом койне торговых городов СЗР.

В СРНГ приведена уменьшительная форма *плотица* с сингулятивным значением: *'одна плотвичка'* [21, с. 151]. В других случаях форма *плотвичка* толкуется как деминутив со значением 'рыба уклейка' [21, с. 149]. Зафиксированы также уменьшительно-ласкательные дериваты *плотичка, плотичушка* (последняя характерна для песен, распространённых в рыболовецкой традиции). Ср. в СЛРЯ *плотица* в значении '*рыба плотва'* [22, с. 102]. Вероятно, более актуальной в узусе СЗР была историческая форма с аффрикатизированным суффиксом.

Anon.: 34.9. okuni Aber ostresy Borscken = der Barsch

Fenne: 71.16. острец: окун ostretz: okun baerse.

Номинации *okuni* и *ostresy* в *Anon.* приведены в качестве синонимов. Вызывает затруднения реконструкция точной семантики лексемы *ostresy*, в которой финальный [у], возможно, отражает флексию множественного числа. Можно провести параллель между указанным речевым вариантом и региональной номинацией *острече*, распространённой в регионе Чудского озера, которая обозначает *`невод на мелкую рыбу, частоячейный`*[11, стб. 1828].

У *Fenne* также приведена эта составная номинация, что позволяет точнее определить се-

мантику: *окунь острец*. В СРЛЯ отмечается лексема *острец* в значении ‘окунь’ с примером из *Книги пер. Водской пятины*, что указывает на распространённость лексемы в северорусском узусе [23, с. 156]. Однако в соответствии с данными СРНГ в псковской диалектной традиции встречается ЛСВ *острец – ‘рыба ёрш’*, в то время как во втором значении фиксируется вариант *‘рыба окунь’* с указанием на олонецкий узус XIX века [24, с. 78]. В свою очередь, у Даля: *окунь – ‘речная рыба Perca fluvatilis, зап. вóдень, сев. острец’* [11, стб. 692] с указанием на северорусский узус. Вероятно, в сочетании *окунь острец* первый компонент всё же является видовой номинацией, в то время как второй компонент (с учётом лексикографически зафиксированного различия в семантике) в некоторых случаях выполнял функцию признакового конкретизатора. В профессиональном узусе некоторых категорий рыбаков *острец*, по всей видимости, может обозначать *любую рыбу с острыми, колючими плавниками*. Данная лексическая единица длительное время была распространена в говорах северорусского ареала. Весьма примечательно сравнительно недавно зафиксированное региональное значение *‘мелкий окунь’* (1968 г.) в северо-западном диалектном узусе [24, там же], что отражает актуальность этой лексико-семантической формы в современной повседневной речи Русского Севера.

Однако не исключено, что в позднесредневековом койне торговых городов СЗР могли структурно и семантически соотноситься региональные лексемы с общим корневым компонентом *остр-: остречье* (чудское название частоячейного невода), *острец* (северорусское название окуня, обычно мелкого), а также адъективный вариант *остреций* в сочетании *острецьи дети* со значением *‘молодь окуня до 1,5 вершка длиной’* и деминутивные производные *остречаты, остречок, остречонок* в схожем значении *‘молодых окуней’* в северном узусе [24, с. 79]. Отражённая в лексикографических источниках продуктивность структурной деривации в региональной (преимущественно северорусской) речи указывает на актуальность реалии.

Anon.: 34.14. Mencky (меньки) ol roppen = Öl Streifen (?), “масляные полосочки” (?)

Fenne: 71.14. Менъ men qwappe

Лексема *Mencky* представляет собой форму pluralis *меньки* < *менёк – ‘налим’* (СРНГ 18, 108) и *менька* [9, с. 111], которые являются уменьшительно-ласкательными вариантами полной формы *мень – ‘рыба налим’* [9, с., 111]. Указывается на их распространённость в вологодском, ярославском и архангельском говорах. Полная форма номинации приводится у *Fenne*, в то время как в *Anon.* отражается номинация-сингулятив. Точность отражения этой реалии подтверждается н.-нем. переводом у *Fenne*, который семантически идентичен русской номинации: *quappe, mnd., F.: nhd. „Quappe (ein Süßwasserfisch), Aalquappe, Aalraupe; ÜG.: lat. allota, lota lota, gobio, capedo Lü 288a (quappe)* [19]: *налим* с характеристикой: *пресноводная рыба.* Ср. совр. нем. *Quappe*, совр. нидерл. *kwabaal ‘налим’*.

Любопытно переводное сочетание *ol roppen*, приведённое в н.-нем. части *Anon.* Есть основание предполагать, что в данном случае составители зафиксировали не название рыбы, а уже конечное блюдо: *ol > l ōl (1), mnd., M.: Vw.: s. ōlie; L.: MndHwb 2, 1138 (ōl) / ōlie, ollige, olge, olige, olge, ōli, olij, ollich, ōley, olee, ōl, oel, mnd., M., N.: nhd. Öl, flüssiges pflanzliches Fett (als Handelsartikel), Speiseöl, heilendes Öl, Verfeinerungsmittel, Nährmittel, Salböl, Weiheöl* [19] – *‘жидкий растительный жир/масло растительного происхождения’*. В свою очередь, *roppen, mnd., sw. V.: nhd. rupfen, zupfen, zerzausen; Hw.: s. rōpen; E.: s. rōpen; L.: MndHwb 2, 2221 (roppen), Lü 306b (roppen)* [19] – глагол со значением *‘щипать’*, который может быть связан с именной лексемой *reep*, восходящей к праиндоевропейскому **reyp- (‘рвать, щипать, ограничивать, резать на полосочки’).* По всей видимости, лексические формы *reep и rop/roop* (с добавлением флексии множественного числа *-en*) являются вариантами с внутрикорневым чередованием. В таком случае компонент *roppen* может функционировать как субстантивная лексема в форме pluralis со значением *‘щипки, куски, кусочки, полоски’*. Эта особенность в передаче русской номинации могла быть связана с тем, что *меньки*, нарезанные полосками и в замасленном виде, достались составителям разговорника в виде кушанья.

Anon.: 34.18. oseryba (осерыба) Steer füsch

Fenne: 71.6. осетр oster stoer

Осерыба (осьрыба) – осётр – одна из наиболее распространённых пресноводных полупроходных рыб, которые были известны ганзейским торговцам и жителям СЗР, занимавшимся профессиональным рыболовным промыслом. В *Anon.* фиксируется гипероним *ryba* с начальным видовым компонентом *ose-*. Здесь можно предположить структурную трансформацию в беглом простонародном узусе, когда в полной форме *осетр* при сращении с корневым компонентом *рыба* происходило выпадение серединного консонантного комплекса: [т] + [р]. Таким образом, [е] в результате морфемного смещения начинал играть роль соединительного гласного. Вероятно, в других просторечных вариантах он

мог выпадать, усиливая палатализованные качества [с`]. Не исключено, что графический элемент [е] здесь указывал на мягкий характер предшествующего сибилянта.

У *Fenne* в немецкой части отражается метатезированная форма *oster*. Данное различие в письменной передаче форм слова *осетр* в кириллической и латинской записи может указывать на неустойчивость структуры номинации в узуальной традиции жителей СЗР. Можно предположить и распространение в живой речи двух лексических форм с вариативной структурой: *осетр – остер*. В узусе могли смешиваться структурно-семантические варианты *остер*, один из которых – краткая форма прилагательного *острый* (см. также схожее по значению название рыбы: *окунь-острец*). Наличие такого рода смежных понятий могло приводить к частым окказиональным контаминациям. Вероятно, такого рода разговорные метатезы, не фиксируемые, однако, в диалектных лексикографических справочниках, могли закрепляться в узусе рыбаков и других жителей региона.

Семантически эквивалентными являются н.-нем. переводные лексемы. В *Anon.* фиксируется составное наименование *Steer füsch – ‘осётр’* (в немецком *Stör*, в нидерландском *steur: ‘осётр’*) и более близкая к н.-нем. фонетической традиции форма *stoer*. См. *толкование stōr (1), stōre, stoer, stǻr, stür, mnd., M.: nhd. Stör (M.) (1); ÜG.: lat. acipenster sturio Lü 382b (stor[e])* [19], где приводится форма с единичным метафоническим гласным, равным по фонологической характеристике: [ö] > [oe].

Словари региональных вариантов русского языка не отражают ни синкопу серединных согласных, ни метатетические процессы в корневой структуре слова. Тем не менее приводятся лексические варианты *осетер, осетёр* (с возможным разноместным ударением) [25, с. 374], а также *осётр – осетер* [11, стб. 1802]. В них, напротив, развивается опорный [е]/[‘о] в заударной позиции. Также отражается форма женского рода *осётра* с несколько изменившейся семантикой: ‘*белорыбица-осётра’* с указанием на распространённость в фольклорном просторечии [25, там же].

Таким образом, имеется основание считать регионально-простонародными лексическими вариантами зафиксированную в *Anon.* сращённую форму *осетррыба* > *осетрыба* > *осерыба* (с возможным структурным переходом в *осьрыба*) (по аналогии с выпадением [т`] в случае *ость* > *ось*) и отражённую у *Fenne* элементами латинской графики словарную форму *остер* с корневой перестановкой, возникшей, по всей вероятности, на контаминационной основе.

Рассмотренные зоонимические единицы, являясь компонентами живой разговорной речи, отражают особенности позднесредневекового койне русских торговых городов СЗР. Данные единицы аккумулируют в себе диалектно-просторечные черты, характерные для повседневного узуса местных жителей. Последовательный и разноплановый анализ данных форм, как в структурном, так и в лексико-семантическом аспекте, позволяет провести более тщательную реконструкцию русско-ганзейских языковых контактов данного периода и восстановить речевой канон, сформировавшийся в результате исторической коммуникации.

Список литературы

1. Fałowski Adam. «Ein Rusch Boeck…» Rosyjsko-niemiecki anonymowy słownik i rozmowki z XVI wieku. Analiza językowa. Krakow, 1996. 125 с.

2. Топоров В.Н. Вокруг «лютого зверя» (голос в дискуссии) // Балто-славянские исследования 1986 / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 249–258.

3. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 17. Леснокаменный–Масленичать [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1981. 384 с.

4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893. 1420 стб.

5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л–П. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1902. 1802 стб.

6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1978. Вып. 5. Е – Зинутие. 395 с.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1981. Вып. 8. Крада – Лящина. 355 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

9. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 18. Масленичек – Мутарсливый [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1982. 368 с.

10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1982. Вып. 9. М. 363 с.

11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. В 4 т. СПб.; М.: Тип. поставщиков двора Его Императорского Величества товарищества М.О. Вольф, 1903–1909. Т. 2. 2030 стб.

12. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. М.: Легпромбытиздат, 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.modnaya.ru/articles/dictionary/glossary-of-clothing/fc/slovar-204-2.htm#zag-1035

13. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002. 366 с.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 673 с.

15. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 16. Куделя – Лесной [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980. 376 с.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 577 с.

17. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 7. Гона – Депеть [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972. 222 с.

18. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 882 с.

19. Köbler G.Mittelniederdeutsches Wörter-buch, 3. A. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html

20. Pepijn Hendriks and Jos Schaeken, Slavic Department, Leiden University. Electronic text edition of Tönnies Fenne (Pskov 1607): version 1.1 (July 2008). Режим доступа: https://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf

21. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 27. Печечки – Поделывать [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1992. 401 с.

22. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1989. Вып. 15. Перстъ – Подмышка. 290 с.

23. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1987. Вып. 13. Опасъ – Отработыватися. 322 с.

24. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 24. Осець – Отчураться [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1989. 368 с.

25. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Вып. 23. Одале – Осеть [Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1987. 376 с.

FEATURES OF REFLECTION OF ZOONYMES IN *EIN RUSCH BOECK*: FORM, SEMANTICS, USAGE

A.V. Filei

The structural-thematic principles of the classification of zoonyms in *Ein Rusch Boeck* are investigated in the aspect of their correlation with the koine of trading cities of North-Western Rus. Zoonyms in common usage are described. The data from lexicographic sources are analyzed, the dialect-regional forms that correlate with the selected nominations are considered. Mechanisms for the transformation of lexemes are established. Variants of usage are indicated, taking into account the analysis of substitutes from Low-German part.

Keywords: *Ein Rusch Boeck (Russkaya kniga)*, koine of trading cities of the North-Western Rus, Low German, zoonyms, ichtyonyms, lexical-thematic block, lexical-semantic variant.

References

1. Fałowski Adam. «Ein Rusch Boeck…» Rosyjsko-niemiecki anonymowy słownik i rozmowki z XVI wieku. Analiza językowa. Krakow, 1996. 125 c.

2. Toporov V.N. Around the «fierce beast» (voice in the discussion) // Balto-Slavic studies 1986 / Ed. by V.Vs. Ivanov. M.: Science, 1988. P. 249–258.

3. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The dictionary sector. Issue. 17. Lesnokamenny–Maslenichat [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1981. 384 p.

4. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 1. A–K. St. Petersburg: Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences, 1893. 1420 col.

5. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 2. L–P. SPb.: Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1902. 1802 col.

6. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. M.: Science, 1978. Issue 5. E – Zinutia. 395 p.

7. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. M.: Science, 1981. Issue 8. Krada – Lyashina. 355 pp .

8. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes: Translated from German. 2nd ed., stereotype. M.: Progress, 1987. Vol. 3. 832 p.

9. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The vocabulary sector. Issue 18. Maslenichek – Mutarslivy [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1982. 368 p.

10. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. M.: Science, 1982. Issue 9. M. 363 p.

11. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / Ed. Prof. I.A. Baudouin-de-Courtenay. In 4 volumes. St. Petersburg; M.: Type. suppliers of the court of His Imperial Majesty, the M.O. Wolf Partnership, 1903–1909. Vol. 2. 2030 col.

12. Orlenko L.V. Terminological dictionary of clothing. M.: Legprombytizdat, 1996 [Electronic resource]. Access mode: http://www.modnaya.ru/articles/dictionary/glossary-of-clothing/fc/slovar-204-2.htm #zag-1035

13. Squires E.R., Ferdinand S.N. Hansa and Novgorod: linguistic aspects of historical contacts. M.: Indrik, 2002. 366 p.

14. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes: Translated from German. 2nd ed., stereotype. M.: Progress, 1986. Vol. 2. 673 p.

15. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The vocabulary sector. Issue. 16. Kudelya – Lesnoy [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1980. 376 p.

16. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes: Translated from German. 2nd ed., stereotype. M.: Progress, 1986. Vol. 1. 577 p.

17. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The dictionary sector. Issue 7. Gonapet [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1972. 222 p.

18. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodsky dialect. 2nd ed., reprint. taking into account the material of the finds of 1995–2003. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 882 p.

19. Köbler G. Mittelniederdeutsches Wörter-buch, 3. A. 2014 [Electronic resource]. Access mode: https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html

20. Pepijn Hendriks and Jos Schaeken, Slavic Department, Leiden University. Electronic text edition of Tönnies Fenne (Pskov 1607): version 1.1 (July 2008). Access mode: https://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf

21. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The dictionary sector. Issue 27. Pechechki – Podelyvat' [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1992. 401 p.

22. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. M.: Science, 1989. Issue 15. Perst" – Podmyshka. 290 p.

23. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. M.: Science, 1987. Issue. 13. Opas" – Otrabotyvatisya. 322 p.

24. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The dictionary sector. Issue. 24. Osec' – Otchurat'sya [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1989. 368 p.

25. Dictionary of Russian folk dialects / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. The dictionary sector. Issue. 23. Odale – Oset' [Editor-in-Chief F.P. Filin; ed. F.P. Sorokoletov]. L.: Science. Leningr. ed., 1987. 376 p.